

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

го "прагматизма". Это признание божественного происхождения человеческого разума (‘акл), который вкладывается в человека при рождении, а не приобретается в результате накопления жизненного опыта. Функция разума связывается не с познавательной, мыслительной деятельностью человека, а с деятельностью в повседневной жизни. Дело (‘амал) – вот область применения разума, дарованного человеку (Табакат, II, 29–30). Такое отношение к происхождению и функции человеческого разума проходит через всю ханбалитскую литературу. Известный идеолог ханбалитства XIII в. Ибн Кудама считал, например, что область применения разума ограничена земными делами, растрачивать его на размышления о непостижимом бесполезно (Ибн Кудама. Тахрим ан-назар фи кутуб ахл ал-калам. Лондон, 1962, 18).

27. Книга о религиях, 16.

А.К.Камалов

"БИОГРАФИЯ" ПУТУ ХУАЙЭНЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ "СЕВЕРНЫХ ВАРВАРОВ"

В синологии в достаточной степени освещены внешнеполитические доктрины, определявшие характер контактов Китая с окружающим миром. Две из них выделены А.С.Мартыновым – изоляционистская доктрина и доктрина универсального благоустройства /4/. В основе обеих доктрин лежало противопоставление Поднебесной окружающему "варварскому" миру, на который, впрочем, в идеале распространялось мироустроительная власть императора. Единственным китайским правителем, который в своей практике несколько отошел от традиционных внешнеполитических доктрин, был, по мнению Эд.Пуллиблэнка, танский Тайцзун (627–649) /5, 37/. Несомненно, устремления Тайцзуна, как и у его предшественников, были направлены на расширение территории империи и подчинение соседних народов, в том числе кочевников. Именно ему удалось продвинуть далеко на запад границы империи. Успехи Тайцзуна стали возможны благодаря эффективности созданной им военной организации. и его политики в отношении "северных варваров".

В 630 г. борьба танской империи с Восточнотюркским каганатом завершилась подчинением тюрков. В том же году Тайцзун принял титул "небесный каган" (тянь кэ-хань), предложенный ему вождями подчинившихся тюркских племен /6/. В 647 г., при других обстоятельствах, сюзеренитет Тайцзуна признали телеские племена во гла-

ве с уйгурами, и он распространил на них, хотя и формально, имперское административное устройство, оставив во главе "варварских округов" телеских вождей. Тайцзун, становясь для северных кочевников императором ("табгач каган" орхонских надписей), одновременно был признан ими как верховный сюзерен, носивший тюркский титул "небесного кагана" (тенгри каган). Тем самым, было создано не унижающее кочевых вождей легитимное обоснование их вассально-союзнических отношений с империей Тан, включавшее их как равноправных участников в систему военных и политических действий Тайцзуна. Политика Тайцзуна в отношении "варваров" давала ему возможность использовать их в качестве инкорпорированных в танскую армию военных соединений или федератов империи, призванных защищать интересы своего сюзерена. Тюркские племенные ополчения, влившиеся в китайскую военную структуру, стали мощным орудием для реализации имперских замыслов. Известно, что тюркские войска приняли участие в походах Тайцзуна в Западный край и Корею. Другой функцией тюркских отрядов была защита границ империи от тех кочевников, которые остались вне сферы контроля танской администрации /I, Ia/.

Практика привлечения на службу северных "варваров" продолжалась и при преемниках Тайцзуна, вернувшихся к традиционным отношениям с северными соседями. Это в значительной мере было обусловлено изменениями, происшедшими в танской военной организации - упадком системы фубин и возникновением новых военных институтов. Система фубин была эффективной в условиях осуществления динамической наступательной внешней политики, характерной для правления Тайцзуна. Однако уже при Гаоцзуне (650-683) в изменившейся обстановке, после вторжения тибетцев и войск возрожденного тюркского каганата Кутлуга, она оказалась неспособной обеспечить защиту границ и была заменена регулярными армиями. Сложная проблема комплектования этих крупных армий решалась за счет пограничных племен. В результате, к середине 8 в. состав пограничных армий претерпел существенные изменения: их инородческий компонент значительно возрос, а личные связи между цзедуши и новой пограничной армией не контролировались центральным аппаратом империи. В отличие от эпохи Тайцзуна власть и влияние "варваров" в пограничных генерал-губернаторствах резко возросли. Нередко они занимали в пограничных провинциях командное положение.

Изменившаяся ситуация не могла не сказаться на отношениях пограничных командиров и придворных кругов, где укрепились подозрительность и неприязнь к плохо контролируемым пограничным во-

еначальникам. Опасения придворных были в какой-то степени оправданы. Среди цзедуши и их окружения, выходцев из тюрко-согдийской среды, вскоре выделилась группа, использовавшая новую ситуацию для попытки захвата верховной власти в империи. К ней принадлежали Ань Лушань, Ань Циньсий, Ши Сымин, Ши Чао и некоторые другие командиры, свергшие танскую империю в кровопролитную и опустошительную внутреннюю войну.

Однако существовала и другая, более многочисленная группа военачальников-инородцев, пытавшихся сохранить традиционную верность дому Тан и принявших самое активное участие в подавлении восстания Ань Лушаня-Ши Чао (755-763). Наиболее выдающейся личностью среди них был один из огузских (уйгурских) вождей, занявших видное положение в империи, Пугу Хуайэнь, судьба которого в известной мере отразила кризисную ситуацию распада установленных Тайцзуном личных и политических связей между аристократией части тюркских племен и императором-"небесным каганом".

Биография Пугу Хуайэня помещена в двух танских династийных историях и является основным источником информации о его жизни /"Цзю Тан шу", цз. 121; "Синь Тан шу", цз. 224/. Согласно сведениям, имеющимся в биографии, Пугу Хуайэнь происходил из знатного рода племени пугу(бугу) - одного из племен токуз-огузской (уйгурской) конфедерации, этнического ядра Уйгурского каганата (744-840). Дед Хуайэня Гэлань Баянь был главой (эльтэбиром) племени бугу. Его имя называется среди вождей токуз-огузских племен, подчинившихся Тайцзуну в 647 г. и утвержденных в должности тутуков /з, II4/. После смерти отца Или-чжо (Илиг-чора), убитого сородичами, потомок наследственных дуду (тутуков) Хуайэнь был взят на службу Тан. Подробное описание деятельности Хуайэня в биографии начинается с восстания Ань Лушаня. О ранних годах Хуайэня можно составить представление лишь из нескольких строк его доклада трону: "Мой род первоначально происходил из инородцев (фань-и) и из поколение в поколение жил на границе. Когда я достиг совершеннолетия, я получил от государя назначение и со срочными поручениями мчался в разные стороны; не думая о смерти и жизни, отстаивал границы" /I, 46/. С самого начала восстания Ань Лушаня, прославленный генерал танских пограничных войск Пугу Хуайэнь, возглавляя "сильных воинов фань и хань инородцев и ханьцев", находился в авангарде борьбы с повстанцами. Описанию многочисленных сражений, в которых он принимал участие, отводится большое место в биографии. Заслуги Пугу Хуайэня в разгроме восставших были несомненны, и это неоднократно подчеркивается историографами: "Его

заслуги в сокрушении неприятеля превышали [заслуги] всех генералов", "Суцзун, считая, что у Хуайэня большие заслуги, особо выделил его из всех генералов" /I, 2а, 2б/.

Пугу Хуайэнь, спустя почти сто лет после подчинения его деда Тайцзуну, в течение которых произошли перемены и в степи, и внутри танского Китая, хранил верность империи. О преданности Хуайэня танскому дому можно судить лишь по одному эпизоду: Хуайэнь казнил своего сына за то, что он предпочел плен смерти на поле битвы. Заслуживает внимания сообщение источников о том, что 46 членов его рода погибли на "государевой службе" во время бедствий /I, 4б/. Сам Хуайэнь писал в докладе, что "в девяти родственных родах из 10 человек не осталось ни одного" /I, 5а/. Под командованием Хуайэня служил другой его сын Чан, подвиги которого были отмечены императорским указом нарисовать его портрет и поместить его в галерею знаменитостей (лин янь-гэ) /I, 4б/.

Танские династийные истории дают довольно подробные сведения о военной карьере Хуайэня. Не останавливаясь на перечислении всех его военных и чиновничьих должностей и почетных званий и титулов, отметим только, что, если в начальный период восстания Ань Лушаня он выполнял обязанности генерала пограничных войск и действовал под общим командованием военачальника-китайца, то ко времени его подавления он занимал пост помощника правителя Хэбэя и имел высшие китайские титулы.

Достигнув высокого положения в армии и сосредоточив в своих руках значительную реальную власть, Пугу Хуайэнь неизбежно возбуждал подозрения и недоброжелательность при дворе. Источники свидетельствуют о том, что Хуайэнь и ранее находился на подозрении. Еще в разгар сражений с повстанцами, Хуайэнь был оклеветан министром Ли Фуго, и дело "доходило до разрушения его дома" /I, 5а/.

Основой для обвинения Пугу Хуайэня в измене императору стали его родственные отношения с уйгурским каганом. При Суцзуэне одна из дочерей Хуайэня была выдана замуж за уйгурского принца, наследовавшего в 759 г. трон под именем Бёгю-кагана (759-772). За уйгурских правителей были выданы три дочери Хуайэня, третья - после его смерти в 769 г. за того же Бёгю-кагана. Пугу Хуайэнь не только поддерживал близкие связи со своими этническими родственниками - уйгурами, но и пользовался у них большим авторитетом. В уйгурско-китайских отношениях в период восстания Ань Лушаня он играл роль посредника между китайцами и уйгурами. В 756 г. в составе китайского посольства он был направлен к уйгурам за военной помощью. В последующем, все конные подразделения уйгуров, ко-

торые прибывали на помощь танской династии, входили в состав армии Пугу Хуайэня.

Когда опасения Хуайэня навлечь на себя подозрение евнухов из-за своих родственных связей со степной аристократией оправдались, у него не оставалось иного выхода как поднять мятеж. Реальная власть и популярность среди войск позволили ему объединить военные силы кочевников - уйгуров, тибетцев, цянов, нула и угрожать императорскому двору в течение почти двух лет. Особенно опасное положение для империи он создал в 765 г., направив на Чаньань по разным путям "варварские" войска численностью в 20 тысяч человек /I, 76/. Танской династии пришлось мобилизовать все силы на организацию сопротивления. Неизвестно, чем бы закончилось выступление Пугу Хуайэня, если бы не его внезапная смерть и последовавшая за ней борьба за главенство в его разноплеменных войсках, давшая возможность императорским силам отразить нападение.

Мятеж Пугу Хуайэня явился логическим разрешением тех противоречий, которыми характеризовалось положение высокопоставленного инородца в Китае в середине 8 в., пытавшегося совместить службу империи с сохранением статуса и влияния родовитого аристократа из кочевых племен "северных варваров". Стремление Хуайэня верно служить империи наталкивалось на новую реальность, в которой уже не было "небесного кагана", а ему отводилось традиционное место "варвара" на службе империи. Последнее ярко отразилось в характеристике Пугу Хуайэня, данной в его биографии: "Хуайэнь был человеком храбрым, решительным, немногословным и отзывчивым. Он решительно выступал против старших [по чину]... если с кем-то не соглашался, то непременно спорил с ним и вызывал его гнев" /I, 2а/, "по варварской натуре был свирепым, быстрым и несдержанным" /I, 4б/. Особенно усилена отрицательная нравственная характеристика Хуайэня в обработанном и сокращенном варианте биографии в "Синь Тан шу" ("Новой истории [династии] Тан"), куда историографы внесли несколько дополнительных эпизодов, призванных, на наш взгляд, обосновать бунт Пугу Хуайэня его "варварским" происхождением /2, 1732/.

Выступление Пугу Хуайэня (764-765) знаменовало собой окончательное крушение идей Тайцзуна о ханьско-"варварском" симбиозе в рамках единой политической структуры во главе с императором-"небесным каганом".

Источники и литература

1. Цзю Тан шу. Пекин, 1958, цз. 121. Я очень признателен проф.

Л.Н.Меньшикову за помощь, оказанную им при переводе "Биографии"

Цугу Хуайэня.

2. Синь Тан шу. - Сыбу бэйяо, цз. 224.
3. А.Г.Малаякин. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. - Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980, с.103-126.
4. А.С.Мартынов. Представления о природе и мироустроительных функциях китайских императоров в официальной традиции. - НАА 1972, № 5, с. 73-82.
5. Ed.Pulleyblank. The An Lu-shan rebellion and the origins of chronic militarism in late T'ang China. - Essays on T'ang society. Leiden. E.J.Brill, 1976, p. 33-60.
6. Цзы чжи тун цзянь. Пекин, 1956, цз. 193, 6073.

Г.Х.Каплан

М.В.НИКОЛЬСКИЙ И ТАБЛИЧКИ БЛАУ

М.В.Никольский (1848-1917) - первый русский исследователь, у которого ассириология стала основной специальностью, хотя и не была средством существования. Он окончил Московскую Духовную Академию и зарабатывал себе на жизнь преимущественно преподаванием греческого языка в средних учебных заведениях Москвы. Только непродолжительное время преподавал в Московской Духовной Академии и Московском университете, читая курс ассириологии и гебраистики. Это он экзаменовал Л.Н.Толстого по древнееврейскому языку. По рекомендации В.Ф.Миллера (1848-1913), выдающегося русского языковеда-индоевропеиста и фольклориста, читавшего курс истории Древнего Востока в Московском Университете, М.В.Никольский ознакомился с работами известного английского ассириолога А.Г. Сейса (1845-1933) по дешифровке и грамматике ассирийских текстов и самостоятельно овладел клинописью, что позволило ему в дальнейшем выпустить свои крупнейшие непреходящей ценности издания шумерских текстов из Лагаша, а также два свода урартских надписей, найденных в пределах России.¹

По инициативе М.В.Никольского в 1887 г. при Императорском Московском Археологическом Обществе была организована Восточная Комиссия. М.В.Никольский 9 лет был ее первым секретарем и редактором "Трудов" этой Комиссии. В задачи Восточной Комиссии входило изучение культуры стран Древнего Востока, разъяснение среди